

things promoting perfection of the dwelling comfort and enhancing the prestige of the host, which is associated with valuable orientation of the feudal nobility.

The old-Russian dwelling interior not only demonstrated differentiation according to social attributes, but also retains common ethnic properties which underlie further formation of the traditional East-Slavonic interior.

Одержано 16.02.90

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Е. Е. Антипина, С. П. Маслов

Представление об охоте как побочном занятии земледельческого славяно-русского населения не соответствует той значительной роли, которую играли продукты охотничьего промысла во внутренней экономике и внешней торговле Древней Руси. Лишь специализированный промысел мог обеспечить потребности древнерусского рынка в продуктах охоты. Для выяснения реальной организации охотничьего промысла в Древней Руси необходим направленный поиск остатков поселений охотников. Рассматриваемое поселение Борки III в Брянской области очевидно является первым из памятников такого рода.

В трактовке места и значения охоты в экономике и хозяйственном укладе населения Древней Руси в настоящее время проявляется определенная двойственность. С одной стороны, единодушно признается, что продукты охоты и сопряженных с нею промыслов занимали видное место во внутренней экономике древнерусского государства (достаточно указать на использование пушнины в качестве эквивалента денег) и были главной и наиболее ценной частью древнерусского экспорта. С другой стороны, большинство наиболее авторитетных современных авторов столь же единодушно утверждают, что охота была побочным занятием земледельческого населения Древней Руси и «любимым развлечением и хорошей школой мужества» князя с дружиной. Специально подчеркивается, что меха взымались со славянского населения, основным занятием которого было земледелие¹. При этом не разъясняется, каким образом побочное занятие земледельческого населения и спортивное развлечение дружины могли удовлетворить столь большую потребность внутреннего и внешнего рынков Древней Руси в продуктах охотничьего промысла. Даже В. И. Цалкин, подчеркивавший существенность вклада охоты в экономику Древней Руси, фактически уклонился от обсуждения организации охотничьего промысла².

Истоки этой двойственности восходят к дискуссии между норманистами и антинорманистами.

В свое время ряд авторов, в большинстве сторонников норманнской теории формирования Русского государства, прямолинейно отождествили структуру древнерусского экспорта в том виде, в каком она отразилась в византийских и средневековых арабоязычных источниках, со структурой хозяйства Древней Руси. В результате такого отождествления хозяйственный уклад древнерусского населения в той или иной степени сближали с укладом первобытных племен охотников, рыболовов и собирателей, вплоть до лесных племен американских индейцев и даже огнеземельцев³. И хотя в формировании этих взглядов участвовали отдельные представители разных школ, в том числе материалисты-упрощенцы⁴, наиболее настойчиво их отстаивали норманисты,

© Е. Е. АНТИПИНА, С. П. МАСЛОВ, 1994

так как постулирование примитивности хозяйственного уклада славян было одной из основных предпосылок их дальнейших теоретических построений.

Демонстрация несостоятельности этих представлений посвящена обширная литература⁵, основывающаяся на детальном анализе археологического материала и письменных источников, характеризующих хозяйственную деятельность и быт славян, ведущую роль производящего хозяйства в их укладе, что избавляет нас от необходимости специально обсуждать этот аспект проблемы. Однако трудно удержаться от одного дополнительного замечания.

Оппоненты норманистов сосредоточили внимание на фактах, демонстрирующих истинную организацию хозяйства Древней Руси, однако не отметили то, что если бы основным занятием населения были охота и рыболовство, добыча того количества ценных мехов, которое вывозилось Русью на византийские и восточные рынки, была бы просто невозможной, так как первобытные охотники почти не охотятся специально на тех пушных зверей, шкурки которых имеют наибольшую рыночную ценность (соболь, куница, и др.). В их укладе ценность этих шкурок сравнительно невелика, а затраты труда — намного больше, чем при охоте на других, хозяйственно более важных для них животных. Переключение же их на пушную охоту под влиянием иноземных торговцев настолько подрывает традиционное хозяйство, что приводит население на грань вымирания. Так Русско-Американская компания, втянув индейцев Русской Америки в охоту на пушного зверя, обнаружила, что в результате они не успевают обеспечить себя традиционными продуктами питания, одеждой и т. п., и их пришлось заменить продуктами, ввозимыми из России, Калифорнии и т. д. Обусловленные этим затраты серьезно осложнили финансовое положение компании, и, в конечном счете, способствовали ее закрытию⁶.

Однако, демонстрируя существование развитых производящего хозяйства, торговли и ремесла, наличие рынка в Древней Руси, детально исследуя их организацию, оппоненты норманистов подчеркивают относительно малую роль охоты в хозяйственной деятельности славяно-русского населения. Возможность существования промысловой охоты и специализированных групп населения, для которых она является основой хозяйственного уклада, фактически отрицается. Специально подчеркивается, что занявшийся профессиональной охотой крестьянин отрезает «себе путь к возвращению к прежней жизни земледельца, его судьба становится судьбой изгоя, насильственно выбитого из привычной, проложенной отцами и дедами колеи»⁷.

Бесспорно подтверждение этому видят, в частности, в малом количестве костей диких животных на большинстве исследованных в этом отношении древнерусских памятников. При этом упускают из вида тот факт, что сельские памятники Древней Руси в остеологическом отношении практически не исследованы, а в городах и в боярских усадьбах (за исключением дружинных поселений) кости диких животных и не должны были попадать в большом количестве даже при существовании профессиональной охоты.

Этот подход к проблеме предопределил малый интерес исследователей к организации охоты в Древней Руси. Их внимание привлекали набор охотничьих животных, орудия охоты и лова, организация сбора пушнины с населения и ее сбыт, но не организация самого промысла и быт промыслового населения.

Однако побочный промысел земледельцев вряд ли мог удовлетворить потребность рынка в пушнине даже на самых ранних этапах его формирования. Численность наиболее ценных охотничьих животных в природных ландшафтах всегда невелика, поэтому для массовой их добычи требуется создание сети промысловых избушек, устройство самоловов и связывающих их троп (путиков) на обширной территории и т. д. Эти работы могут быть выполнены только летом, до начала охотничьего сезона. Кроме того, наиболее ценные охотничьи животные обычно покидают территории по мере их сельскохозяйственного освоения, что еще более ограничивает возможность совмещения земледелия и охотничьего промысла. До сих пор большая часть наиболее ценной промысловой пушнины поступает из охотничьих угодий, расположенных в местах мало измененных сельским хозяйством, от профессиональных охот-

ников. Очевидно, что по мере развития рынка потребности его должны были довольно быстро возрасти настолько, что их могла удовлетворить только профессиональная охота.

Можно допустить, что определенные этапы перехода к такой профессиональной охоте отражают материалы ряда роменско-боршевских поселений (Липинское, Боршево I и др.), на которых доля костей диких животных в остеологическом материале аномально высока. К сожалению, материал этих памятников был опубликован в такой форме, которая не дает возможности установить, увеличивалась ли роль охоты в хозяйственном укладе всех жителей памятника или происходила их дифференциация на промысловых охотников и земледельцев, почти не занимающихся охотой.

В любом случае такое положение не могло быть устойчивым. В сочетании с земледелием, промысловая охота быстро подрывает продуктивность охотничьих угодий настолько, что теряет экономический смысл. Этот процесс должен был привести к переселению промысловых охотников на заимки, расположенные в местах, мало затронутых хозяйственной деятельностью.

Такие заимки занимают небольшую площадь и не оставляют мощного культурного слоя. Большая часть из них должна была располагаться на территориях, и сейчас сравнительно мало измененных хозяйственной деятельностью человека. Поэтому вероятность случайного обнаружения следов такого поселения невелика. Специальные же поиски в этом направлении, насколько нам известно, не производились. Тем больший интерес с этой точки зрения представляет материал поселения Борки III в Брянской области.

Поселение располагалось в заливаемой пойме реки Судости против города Погара на небольшом возвышении (2 м) рядом с территорией современного Вадьковского пойменно-болотного заказника. Без основательной трудоемкой мелиорации и подкормки почвы земледелие непосредственно в окрестностях памятника невозможно.

Площадь памятника невелика, около 0,1 га. Он был практически полностью раскопан Погарским отрядом Деснинской экспедиции ИА АН СССР и БГПИ им. И. Г. Петровского под руководством Е. А. Шинакова в 1985—1986 гг. Большая часть керамического и вещевого материала, собранного при раскопках, принадлежала славяно-русскому населению IX—XI и XII—XV (?) вв., но встречаются и находки более раннего и более позднего времени⁹.

На раскопе 1985 г. (430 м²) студентом БГПИ Н. Г. Качуриным были собраны «определимые» фрагменты (105 фрагментов, 99 определимы). На раскопе 1986 г. (349 м²) нами был организован сбор всего остеологического материала, обнаруживаемого при речной переборке земли (2327 фрагментов, 804 определимы). Результаты определения собранного материала представлены в табл. 1.

Таблица 1
Видовой состав костных остатков животных из раскопок поселения Борки III

Вид	Ло- шадь	Коро- ва	Овца	Овца или коза	Сви- нья	Соба- ка	Зубр	Лось	Бла- го- род- ный олень	Косу- ля	Кабан	Мед- ведь	Волк	Бобр
1985*	5	6	1	-	2	1	38	20	4	3	7	11	1	2
1986**	42/17	6/5	3/3	21/10	73/13	78/5	192/ 103	205/ 116	38/20	19/13	50/39	29/22	6/1	42/27

* Минимальное количество особей не определялось, ввиду явной неполноты материала.

** В числителе — количество фрагментов костей соответствующего вида животных, в знаменателе — минимальное число особей.

Обнаруженный набор видов как домашних, так и диких животных, обычен для славяно-русских памятников и совпадает с набором животных на

других роменско-боршевских памятниках. Типично и соотношение остатков отдельных видов охотничьих животных. Следует лишь отметить, что преобладание останков диких копытных не должно восприниматься как свидетельство специализации охоты на мясного зверя. Шкура с пушных животных, мясо которых не используется в пищу, снимается прямо на месте добычи. Поэтому их кости крайне редко попадают даже на территорию охотничьих заимок.

В то же время, доля домашних животных в общей массе определимых остеологических остатков очень мала, значительно меньше, чем на любых других ранее исследованных памятниках, включая дружинные поселения (табл. 2). Столь низкий процент останков домашних животных в остеологическом материале ни разу не был обнаружен на памятниках оседлого земледельческого населения, начиная с эпохи энеолита. Примечательно и соотношение останков домашних животных: собака — 33,2%, свинья — 31%, лошадь — 19,8%, мелкий рогатый скот — 10,5% и корова лишь 5,0%. Преобладание останков собаки, лошади, мелкого рогатого скота в сочетании с крайней малочисленностью останков коровы тоже свидетельствует о неземледельческом укладе населения, а обилие останков свиньи говорит о его оседлости.

Необычность соотношения количества диких и домашних животных поселения Борки III подчеркивает и тот факт, что на сравнимых с ним памятниках, как правило, собирался не весь остеологический материал, а так называемые определенные остатки. Как было отмечено ранее, при таком способе сбора материала, учетное количество останков диких животных в материале славянских памятников завышается¹⁰. Поэтому при сравнении правильнее сопоставлять соотношение числа диких и домашних животных на других славянских памятниках с полученным при раскопках Борков III в 1985 году.

Своеобразие соотношения останков диких и домашних животных в материале поселения Борки III не может быть также следствием случайных статистических данных, так как памятник раскопан практически полностью, и следовательно обработана не случайная выборка, а практически вся генеральная совокупность.

Эти соображения заставляют нас полагать, что поселение Борки III было охотничьей заимкой — первым примером надежно идентифицируемого памятника профессиональных промысловых охотников Древней Руси.

Естественно желание хотя бы приблизительно представить себе уклад населения, оставившего этот памятник, и его место в социальной структуре Древней Руси. Некоторые данные для предварительной оценки дают вещевой материал. При небольших размерах памятника привлекает внимание обилие находок, отражающих интенсивные рыночные связи — монеты, стеклянные и бронзовые браслеты, бусы, серьги, бубенчик, энколпион и т. д. Довольно много остатков оружия — наконечники стрел, дротиков, копий, пластинки панциря, — в том числе, и в подъемном материале в окрестностях поселения. При просмотре материала нами были обнаружены фрагменты инструментов, используемых при выделке шкур. В соответствии с остальными особенностями, не было обнаружено сколь-нибудь убедительных следов сельскохозяйственной деятельности населения памятника.

Таким образом, обитатели поселения Борки III были хорошо вооруженными промысловыми охотниками, не занимающимися земледелием, самостоятельно обрабатывающими добычу и доводившими ее до «товарного» вида, имеющими обширные рыночные связи. Поселение с таким сочетанием особенностей хозяйственного уклада и топографии обнаружено, насколько нам

Таблица 2
Количество костей домашних животных
в остеологическом материале славянских
памятников, %

Борки III, 1985 г.	13
Борки III, 1986 г.	28
Славянские городища	98
Славянские селища	83
Роменско-боршевские поселения	78
Боршево I	37

известно, впервые. Легко, однако, заметить, что все особенности хозяйственного уклада и топографии поселения соответствуют образу жизни ранних казаков, отказавшихся от земледелия, и основывавших свое хозяйство на различных промыслах, ремесле и торговле. Поэтому можно полагать, что поселение Борки III принадлежало представителям той части начального славяно-русского населения Восточной Европы, которые в русских летописях назывались бродниками и были предшественниками казаков¹¹.

Примечания

¹ Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО.— М.— Л.— 1934.— № 11, 12.— С. 35—60; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М., 1964.— 240 с.; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв.— М., 1982.— 565 с.

² Цалкин В. И. Фауна из раскопок Гродно // МИА.— 1954.— № 41.— С. 211—268; Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА.— 1956.— № 51.— 184 с.; Цалкин В. И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА.— 1962.— № 107.— 140 с.

³ Гедеонов С. Варяги и Русь.— СПб., 1878.— Ч. I—II.— 169 с.

⁴ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении.— М.— Пг., 1923.— 444 с.

⁵ Арциховский А. В. Указ. соч.; Рыбаков Б. А. Первые века...; Рыбаков Б. А. Киевская Русь...

⁶ Русская Америка в «Записках Кирилла Хлебникова». Новоархангельск.— М., 1985.— 302 с.

⁷ Рыбаков Б. А. Первые века...; Рыбаков Б. А. Киевская Русь...

⁸ Мальм В. А. Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIV вв.— Труды ГИМ.— М., 1956.— Вып. 32.— С. 106—138; Рыбаков Б. А. Первые века...; Рыбаков Б. А. Киевская Русь...; Цалкин В. И. Фауна...; Цалкин В. И. Материалы для истории...; Цалкин В. И. К истории животноводства...

⁹ Смирнов А. С., Шинаков Е. А. О работах Погарского отряда // АО 1985.— М., 1987.— С. 103, 104; Шинаков Е. А. Брянщина в древнерусскую эпоху (X—XIII вв.) // Тез. докл. литвузовской историко-краеведческой конференции.— Брянск, 1968.— С. 92, 93; Шинаков Е. А. Поселение Борки III на р. Судость // Тезисы Черниговской историко-краеведческой конференции.— Чернигов, 1988.

¹⁰ Антипина Е. Е., Маслов С. П., Мусатова С. И. О репрезентативности выборок остеологического материала, получаемых путем отбора «определимых» фрагментов костей // Комплексные методы исследования археологических источников. Материалы к V совещанию 21—23 ноября 1989 г.— М., 1989.— Вып. I.— С. 5.

¹¹ Волынкин И. М. Предшественники казачества — бродники // Вестник ЛГУ.— 1949.— № 8.— С. 55—62.

К. Є. Антипина, С. П. Маслов

ДО ПИТАННЯ ПРО ОРГАНІЗАЦІЮ МИСЛИВСЬКОГО ПРОМИСЛУ У ДАВНІЙ РУСІ

Мисливський промисел посідав значне місце в структурі давньоруської економіки. Його продукти становили важливу частину зовнішньої торгівлі, що не є показником відсталості суспільного розвитку, переважання примітивних форм господарювання. Це відбиває внутрішню реакцію на підвищений попит зовнішнього ринку на хутро.

Незначна кількість археологічних знахідок, пов'язаних з цією галуззю, пояснюється специфікою мисливського господарства. У цьому відношенні особливу увагу привертають матеріали поселення Борки III на Брянщині — єдиної повністю дослідженої пам'ятки професійних мисливців Давньої Русі.

CONCERNING ORGANIZATION OF HUNTING IN OLD RUS

Hunting occupied an important place in the structure of Old Rus economy. Its products were significant items in trade with other tribes and countries. But it was rather a response to heightened requirements of the outer market in fur, than an evidence of backwardness in the social development and prevalence of primitive forms in economy. Archaeological findings related to that field are not numerous, which is a result of the hunting specificity. In this respect of great interest are findings from settlement Borki-3 in the Bryansk Region. It is a single relic of professional hunters of the Old Rus state which is completely studied.

Одержано 26.12.90

АСКОЛЬД І ОЛМОШ

М. Ю. Браичевський

Стаття присвячена проблемі русько-мадярських відносин у IX ст. — в часи великої мандрівки мадярських племен з Наддоници до Трансільванії. Автор стверджує мирний в основному характер тих стосунків, що спричинилися до утворення дружнього союзу київського хагана Аскольда і мадярського ватажка Олмоша.

Русько-угорські відносини в IX ст., безпосередньо перед міграцією мадярських племен у Панонію, непогано висвітлені в спеціальній літературі, але не можна сказати, що всі аспекти проблеми знайшли своє остаточне вирішення¹. І справа не лише в тих розбіжностях, що мають місце, скажімо, з приводу гіпотетичного панування угрів (хоча б протягом короткого часу) над Києвом та іншими містами Русі або щодо реальності збройних сутичок між переселенцями і корінним населенням Наддніпрянщини, а в тому, що історія русько-угорських стосунків розглядається поза врахуванням становища Київської Русі і загального напрямку її політики. Саме цьому сюжету присвячуємо пропонуваній стюд.

Прабатьківщиною мадяр прийнято вважати Урал. Деякі дослідники, далі, не без підстав говорять про кавказьку або кубанську правітчизну, маючи на увазі більш-менш тривале перебування угорських племен на Північному Кавказі, де вони відомі під іменем ононгурів². У першій половині IX ст. мадяри заселили область Наддоници, утворивши там широке об'єднання, що мало назву Леведії³. Власне звідси починається їх достовірна історія, забезпечена писемними джерелами. Через певний час (тривалість його по-різному оцінюється вченими) під тиском печенігів угри відійшли на захід у країну Ателькузу (Етелькюз)⁴. Локалізація цієї країни в працях сучасних істориків відбиває деяку непевність, але загалом не викликає сумніву: йдеться про територію між Нижньою Наддніпрянщиною і Дунаєм. Саме на цей час припадає встановлення безпосередніх і тісних контактів мадяр з Київською державою.

Головну проблему в нашому сюжеті становить хронологія. Літописні тексти більш-менш упевнено говорять про мадярську інвазію лише стосовно часів Олега: «В льто 6406. Идоша угры мимо Киева горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское, и пришедь же к Днѣпру сташа всжами; бѣша бо ходяще аки се половци. Пришедьше от востока и устремишася черес горы великия, яже прозвашася горы Угорския; и почаша воевати на живущая ту волохи и словѣни»⁵. Це повідомлення можна розуміти двояко: мадяри вперше з'яви-

© М. Ю. БРАЙЧЕВСЬКИЙ, 1994